
Ты идешь в музыкалку,
прижимая в пакете ноты
к грудной клетке.

В голове все играют фуги
и правила полутонов, зазубренные,
не до конца понятые; твердишь

биографии Моцарта, Глинки,
истории создания опер.

Прислушиваешься к снегу:
хрустит под ботинками,
как мелодия октавы для левой руки баяна.

Родила мама дочку-автора.

Не консультанта,
не повара,
не маникюршу –

никуда не годится.

Пишет непонятным велибра.
Кто такое вообще читает?
Зачем такое вообще пишут?
Без вымысла, рифмы, смысла –

какая-то патология.

Была ж нормальным ребенком,
хорошей девкой.

Понабралась на своем филфаке.
Мы из тебя эту дурь выьем.

Не работает принцип «Там, где болит, подуй».
Рана уже не рана, а пустота.
Это больше шва от разреза на животе –
боль от того, чего не было никогда.

– Посиди со мной, доченька, поврачуй.
Не могу я многого рассказать.
Каждый год – потери, потери...
Нас бы не потерять.

«Потерплю чуть-чуть, еще чуть-чуть потерплю.
Музыкалку закончит, школу и институт,
выйдет замуж, родит, потом уже как-нибудь, –

Как ты там без нее, а она без тебя – тут? –

Как-нибудь перебьемся, переживем.
Не болит, не болит ничего, вот, уже проходит».

На шершавой руке без кольца рисую ей Рэкса, дом...
Глажу ее живот, по часовой – помню.

Проснулась в машине,
едем домой из города.
За передним стеклом
белое небо и ветки, ветки.

Лихорадочно стучат дворники,
водитель нервничает,
звучит моя любимая песня.

Что, если сейчас разобьемся?
Вглядываюсь во все.
Сильнее соприкасаюсь с пальто,
с сиденьем, со звуком.

Жизнь не пронесится перед глазами,
только этот миг стараюсь запомнить,
чтобы рассказать там,
какие были обстоятельства смерти.

Рай похож на нашу окружную
с бесконечным полем и туманом,
нашей остановкой поцелуев,
серой трехэтажкой. Вы снимали

там квартиру с мамой. Мы с тобою
пили нескафе из белых кружек,
слушали волнистых попугаев
позапрошлым маем. Ты до дома

проводил меня и на прощание
целовал в макушку, и шептал мне
полное простое предложение.